

ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ В РОССИИ

А.В. Малинов

ОБЛАСТНИЧЕСТВО В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ*

В статье рассматривается областничество как самостоятельное направление в истории русской мысли. Указывается на три разновидности областничества: российское, украинское, сибирское, общей чертой которых были принципы федерализма. Философско-методологическую основу областнической идеологии составили народничество, позитивизм, славянофильство. Более подробно рассматривается программа сибирского областничества — так называемые сибирские вопросы.

Ключевые слова: *областничество, философия, идеология, сибирефильство, украинофильство, социология, федерализм, географический детерминизм.*

Дело в том, что население всякой территории, особенно если она крупная, желает не только устранить недостатки своей общественной жизни, но и вообще быть само творцом собственной судьбы.

Г.Н. Потанин
«Областническая тенденция в Сибири» (1907)

Историк К.Н. Бестужев-Рюмин в одной из популярных статей «Чему учит русская история» обратил внимание на «исторический закон». «Повинуясь великому историческому закону, — писал он, —

Малинов Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии Санкт-Петербургского государственного университета (a.v.malinov@gmail.com).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 10-03-00840а.

объединение пошло от племени самого младшего и более смешанного: объединение Греции, хотя и неполное, совершила полуварварская, полугреческая Македония; объединение древней Италии шло из города, населенного выходцами всех италийских племен; новая Италия объединена не чисто итальянским Пьемонтом; Германия — немецкую Украину в землях, некогда славянских. Объединительное движение, начавшееся в таких пунктах, находит себе опору и в других областях, принимает к себе другие элементы и, видоизменяясь, становится общим делом. Так было и с суздальским движением: оно стало общерусским» (Бестужев-Рюмин 1877: 11). Наблюдение историка едва ли можно назвать «законом», это, скорее, обобщение, характеризующее философско-историческую установку самого исследователя. К.Н. Бестужев-Рюмин, как известно, относил себя к последователям славянофильского учения, но по своему философско-историческому мировоззрению приближался к идеологии того общественного движения, которое принято называть областничеством. И это не случайно: формирование взглядов К.Н. Бестужева-Рюмина пришлось не те же годы, на которые приходится становление областничества.

Областничество возникло в Петербурге на рубеже 1850-х — 1860-х гг., когда в столице по разным обстоятельствам оказались историки Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Павлов, вошедшие в историографию под рубрикой историков-федералистов (Боярченков 2005), а также студенты и вольнослушатели Петербургского университета и других учебных заведений (Г.Н. Потанин, Н.С. Щукин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков и др.), составившие сибирский земляческий кружок, из которого выросло сибирское областничество (Малинов 2010: 111–133).

Выражение «идея общности» впервые встречается в работах А.П. Щапова 1850-х — 1860-х гг., однако термин «областничество» закрепился лишь к началу 1890-х гг., когда многих зачинателей этого учения уже не было в живых. Власть негативно реагировала на заявившее о себе новое движение и провозглашаемую им идеологию, обвиняя его последователей в сепаратизме. Клеймо сепаратистов (украинских, сибирских) на несколько десятилетий закрепилось за лидерами областников. К наиболее ранним попыткам самоопределения можно отнести выражение «местный патриотизм», используемое, например, Г.Н. Потаниным.

Программа областничества была обращена к провинциальной интеллигенции и направлена на изменение ее сознания, а часто и на фактическое создание такой интеллигенции. Задачей интеллигенции, в понимании областников, было служение местным интересам, социально-экономическому, политическому и культурному развитию своего

края. Синонимическими двойниками областничества, согласно его идеологам, могут выступать выражения «самодеятельность народа», «местное саморазвитие». В качестве влиятельного общественного течения областничество просуществовало более полувека, до начала 1920-х гг., а в эмигрантской среде — до Второй мировой войны. Вместе с этим надо признать, что областнический проект еще не завершен, а областническая программа и полтора века спустя во многих положениях остается актуальной для России. Существующие исследования раскрывают фактическую сторону областнического движения, в то время как областническая теория еще требует своего более серьезного осмысления. Все это побуждает по-новому взглянуть на областников и оценить выдвинутые ими идеи. Подтверждением востребованности областнической программы может служить и появившееся в последние два десятилетия неолобастничество.

Областничество нельзя назвать в строгом смысле философским учением. Его последователи не были профессиональными философами. Более того, философская сторона учения областников крайне редко привлекала внимание исследователей. В качестве исключения здесь можно указать на работы А.В. Головинова (Головинов 2011; 2012а; 2012б) и Т.Н. Емельяновой (Емельянова 2004). В сочинениях областников едва ли стоит искать онтологию или теорию познания. В то же время историки-областники смогли создать оригинальную философско-историческую концепцию, нашедшую отражение в работах А.П. Шапова, Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина. Социально-философское учение областничества представлено в сочинениях С.С. Шашкова, М.П. Драгоманова, В.И. Анучина. С.С. Шашкову же принадлежит серия публикаций по истории западноевропейской философии (Малинов 2012) и истории русской общественной мысли. Самобытные философско-культурологические идеи были высказаны Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Предлагая общую модель эволюции культурных форм, Н.М. Ядринцев ввел понятие культур «переходного типа», под которыми подразумевал, прежде всего, лесные культуры. Вместе с Г.Н. Потаниным он впервые показал и обосновал цивилизационное своеобразие и ценность кочевого быта. Потаниным была предложена так называемая восточная гипотеза, согласно которой большинство литературных и эпических сюжетов европейского Средневековья, а также ряд религиозных представлений были заимствованы из тюрко-монгольского мира. К культурологическому учению областников примыкает и идея «починочного характера» русской культуры, высказанная в ряде исторических трудов А.П. Шапова.

Наиболее заметны достижения областников в других областях знаний: истории (А.П. Шапов, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин,

П.В. Павлов), этнографии и фольклористике (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, которому принадлежит одно из наиболее полных собраний тюрко-монгольского фольклора), археологии (раскопки Н.М. Ядринцевым Каракорума — столицы империи Чингисхана), отчасти социологии. Областники одними из первых начали использовать статистику для анализа состояния современного им провинциального общества, были первыми организаторами провинциальных статистических комитетов. Н.М. Ядринцев в серии публицистических статей и фельетонов вывел яркие социальные типы сибирского общества (кулак, монополист, челдон, раскольник, «ташкентцы» или «летучая интеллигенция»). Наиболее успешно областники действовали на поприще журналистики. Областнические издания «Основа», «Камско-Волжская газета», «Восточное обозрение» и др. стали яркими явлениями отечественной пореформенной журналистики. Исследования и деятельность областников объективно способствовали становлению краеведения. Собственно говоря, краеведение обязано своим появлением провинциальной интеллигенции, чье сознание во многом было сформировано областнической публицистикой.

Областничество не было однородным движением и в различных регионах проявило себя по-разному. Родовым гнездом российского или великорусского областничества, вероятно, надо признать Поволжье. Уроженцами Нижегородской губернии были историки К.Н. Бестужев-Рюмин и П.В. Павлов. В Казани в 1872–1874 гг. выходило одно из лучших областнических изданий — «Камско-Волжская газета». Теоретическое наследие российского областничества представлено, прежде всего, философско-историческими построениями К.Н. Бестужева-Рюмина и П.В. Павлова, выступивших с критикой принципа централизации, на который опиралась историческая концепция «государственной школы» (С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин). Разрабатывая альтернативный взгляд на русскую историю, К.Н. Бестужев-Рюмин и П.В. Павлов не только усматривали в русском историческом процессе развитие федеративного начала, но и заложили основы нового понимания задач самого исторического исследования. Согласно их взглядам, смысл русской истории не сводится к схематике собирания вокруг Москвы русских земель, а может быть понят только из изучения истории народа и истории его культуры. Так формировалась проблематика и методология историко-цивилизационных исследований.

Украинское областничество можно связать с деятельностью «Кирилло-Мефодиевского общества» в Киеве (Т.Г. Шевченко, Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш и др.); с последующими историческими работами Н.И. Костомарова, разделявшего федералистский взгляд на русскую историю и также формулировавшего программу историко-культурных

исследований, и с работами М.П. Драгоманова. Историческая трагедия украинского областничества состояла в том, что активизировавшиеся на рубеже XIX–XX вв. украинский национализм и сепаратизм провозгласили теоретиков украинского областничества своими идейными предшественниками. Взгляд на украинское областничество сквозь чело­веконенавистническую идеологию украинского национализма существенно искажает восприятие и оценку этого движения, нивелирует гуманистическое и демократическое содержание самого областнического учения.

Наиболее плодотворным как в содержательном, так и в научном отношении (и в этом смысле наиболее интересным), надо признать сибирское областничество. Если российское областничество в теоретическом и организационном плане оказалось довольно аморфным, то сибирские областники имели не только четкую программу, но и организационное оформление, от землячеств до политических организаций в начале XX в. (Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, Сибирское собрание, попытка открыть в Петербурге Дом Сибиряка и др.), в том числе и Сибирскую парламентскую группу в Государственной Думе, в одно время даже объявившую себя сибирской фракцией. Особенно близки идеологии областничества оказались Сибирские парламентские группы в I и II Государственных Думах (Барсуков 1996). Исторический опыт сибирского областничества из всей совокупности областнических концепций и практик представляется наиболее ценным для современной России, а их программа во многих своих аспектах — актуальной.

Лидеры сибирского областничества принадлежали к более молодому поколению, чем их украинские единомышленники. Сознание единства взглядов и убеждений способствовало как взаимодействию, так и формированию общих теоретических положений. В Петербургском университете Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и С.С. Шашков слушали лекции Н.И. Костомарова, а в начале 1870-х гг. печатались на страницах «Камско-Волжской газеты». В шенкурской ссылке Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков оказались вместе с А.Н. Строниным, осужденным за просветительскую деятельность в областническом духе на Украине. Тем не менее, едва ли можно говорить о едином областническом движении и учении. Российское, украинское и сибирское областничество действовали достаточно автономно. Областнические идеи не были чужды и формировавшемуся самосознанию казачества. Сибирские областники, в частности, указывали на родственные настроения в среде уральских казаков. Схожие веяния отмечались и в Области Войска Донского (Братолюбова 2010). Областничество можно обозначить как тенденцию, характерную для ряда регионов Российской империи второй половины

XIX — начала XX в., связанную с ростом регионального самосознания и недовольством управленческими методами унитарного государства. И если казачьи области настаивали на сохранении или расширении автономии, украинские областники выступали за децентрализацию власти и культурную самостоятельность края, то сибирские областники открыто критиковали управленческую практику центра в отношении окраин, особенно Сибири, справедливо видя в этом проявление чисто колониальной политики. Общим для всех направлений областничества можно считать последовательное отстаивание принципов федерализма в различных его формах (от автономизма и децентрализации до перехода к конфедеративному устройству государства). Наиболее же существенные различия в областничестве следует отметить в решении национального вопроса. Не случайно к украинофильству восходит конфронтационная идеология национализма, а сибирское областничество, напротив, разработало программу поддержки и развития сибирских инородцев (Коваляшкина 2004), а также обосновывало неизбежность формирования особого «сибирского этнического типа» русского народа. Национальный вопрос недаром оказался столь важным для областнической программы. Областники были выходцами из регионов межэтнических, межкультурных и межрелигиозных контактов. Вопросы метисации населения, сохранения самобытной культуры, перспективы ассимиляционного (но взаимовыгодного) поглощения инородных национальных элементов, возвращение местной, в том числе и инородческой интеллигенции, — занимали не последнее место в учении областников.

Источники формирования областнической идеологии многообразны. Ближе всего к областничеству примыкают философские установки народничества. Долгое время в советской историографии содержательный анализ областничества (а не критически-разоблачительное или даже откровенно обличительное рассмотрение истории и деятельности областников) допускался лишь в рамках изучения народничества. Областники были знакомы и часто сотрудничали со многими представителями народничества. В большей степени это относится к сибирским областникам, однако областничество — это не разновидность народничества. Сближение с народничеством происходило на почве общедемократического мировоззрения и известной оппозиционности обоих движений. Философия областничества не противоречит учению народников, она просто обращается в основном к другим проблемам и темам. Так же как и народники, областники ориентировались на философию позитивизма и близкие позитивизму естественнонаучные концепции. Наибольшее влияние здесь на философию областничества оказали учение Т.Г. Бокля и теории К. Бэра и Ч. Дарвина. Можно вспомнить, что

первый русский перевод «Истории цивилизации в Англии» Т.Г. Бокля был сделан К.Н. Бестужевым-Рюминым. Принципы географического детерминизма и органицизма послужили основой для многих обобщений областнической идеологии и философских выводов. Сама идея «областной истории», реализованная в исторических трудах А.П. Шапова, исходила из принципа природно-климатической обусловленности социально-исторического развития. Колонизация, а не централизация, по мысли А.П. Шапова, выступала главным фактором образования русского государства. Из органического единства «земли и воды», «города и села», по логике отношений целого и частей, складывалось русское государство. Отдельные земли и области, срастающиеся в государство, естественно различались не только в географическом, но и в этнографическом отношении. Колонизация приводила к смешению русского населения с финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами. Так формировались областные этнические типы. Исходной формой исторической жизни русского народа была местно-областная. С периода Смутного времени преобладающей становится государственно-союзная форма. В качестве альтернативы процессу централизации в XVII в. А.П. Шапов рассматривал русский раскол старообрядчества. В культурной же истории России областники выделяли два этапа: «непосредственно-натуральный», или «инстинктивный» и «разумно-сознательный», или «рациональный» (с Петра I). С эпохи Петра I государство взяло на себя роль просвещения народа, в XIX в. эта задача переходит к интеллигенции. Иными словами, областничество сознавало себя прежде всего просветительским движением, призванным пробудить духовные силы народа. Философия же понималась ими как высшая форма народного самосознания, выразителем которого является интеллигенция.

В особенностях и различиях природно-климатической среды находил опору и сепаратистский потенциал областничества. Климат, настаивал Г.Н. Потанин, «самый упорный сепаратист». «В климате Сибири прочный залог обособления сибирского населения, как в физическом, так и в духовном отношениях», — писал он в статье «Нужды Сибири» (1908) (Потанин 1915а: 57). Г.Н. Потанин подчеркивал, что областничество является идеологией культурного самоопределения для русских жителей Сибири и инородцев, поэтому за областничеством он признавал лишь «культурный сепаратизм». Программные статьи Г.Н. Потанина «Областническая тенденция в Сибири» и «Нужды Сибири», опубликованные в 1907 и 1908 г., не столько формулировали программу сибирского областничества, к тому времени уже давно сложившуюся, сколько подводили известный итог. Тем интереснее заключение Г.Н. Потанина о неизбежности областного деления России. «Обширная

территория, — отмечал он, — не может не расчлениваться на отдельные области, хотя бы связь между ними и продолжала сохраняться. Это расчленение должно установиться не на этнографической, а на экономических особенностях в силу того, что физические условия в различных областях империи различны. Сибирь в ряду других областей, в которых проявляется стремление к областничеству или автономии, выделяется тем, что в ней эта идея не связывается и не связывалась с национальной идеей. Основа сибирской идеи чисто территориальная» (Потанин 1915б: 110). Еще Н.М. Ядринцев в своем фундаментальном исследовании «Сибирь как колония» указывал, что масштабы Сибири вполне позволяют говорить о ней как об отдельном, самостоятельном континенте. «Сибирская идея», о которой пишет Г.Н. Потанин, — это результат становления сибирского самосознания, формирования особой региональной идентичности, признающей необходимость культурного и экономического саморазвития и самоопределения. Эффективно развиваться, управляясь из далеко расположенного центра, служить эгоистическим интересам этого центра, испытывая всю несправедливость колониальной политики, для Сибири далее не возможно. Г.Н. Потанин еще раз подчеркивает, что основой сибирства не может выступать национальный признак. «Сибирь, — писал он, — слишком большой придаток к территории Европейской России; русские люди, обитающие на этом придатке, не могут не чувствовать, что они живут в особых условиях. У территории Сибири, как ни сходна она во многих чертах с Европейской Россией, особенно с северной ее частью, все-таки свой физический организм, и люди, живущие в зависимости от этого особого организма, должны чувствовать солидарность между собой и в то же время чувствовать, что эта солидарность связывает их между собой прочнее, чем с жителями других областей империи. Цементом для такого сплочения областных жителей могут служить одни экономические и культурные интересы без национальной подкладки» (Потанин 1915а: 52–53). Преодоление Сибирской «особности» и обособленности возможно при смещении цивилизационного центра в Сибирь. «Центр тяготения русского государства должен перейти на Сибирь», — провозглашал Г.Н. Потанин еще на заре формирования областничества. Но это означает формирование нового цивилизационного проекта. После высказывания Г.Н. Потанина становятся понятны необоснованность обвинения сибирских областников в политическом сепаратизме и надуманность известного полицейского расследования «Об отделении Сибири от России» (1865), по результатам которого областники были отправлены на каторгу и в ссылку. Сепаратистские лозунги могли служить лишь средством привлечения внимания к проблемам Сибири и пробуждения местного самосознания. Политическая программа областников, напро-

тив, содержала требование уравнивания Сибири с европейскими провинциями и отказа от особых форм управления краем (что при определенных обстоятельствах как раз могло послужить основанием для политического обособления).

Если попытаться вписать областничество в привычные координаты русской философии XIX в., то это, конечно, разновидность западничества. В приобщении к европейской культуре и знакомстве с европейской наукой, литературой и философией областники видели главный способ духовного развития народа. Европа, а на ранней стадии становления областнической идеологии и Америка, были для областников ориентиром цивилизационного развития. Непререкаемым личным и научным авторитетом среди сибирских областников пользовался К.Д. Кавелин. Однако, как это ни парадоксально звучит, в теоретическом плане большее влияние на областническую философию оказало славянофильство. Влияние это едва ли было прямым. В практическом отношении областники были сторонниками распространения земства как формы местного самоуправления, именно той формы, пропагандистами и подвижниками которой были славянофилы. Теснее всего славянофильство и областничество сходились на почве общих либеральных требований, в частности, свободы слова и вероисповедания. Но роднее всего областническому духу была идея культурного разнообразия и множественности путей культурно-исторического развития. Напомню, что К.Н. Бестужев-Рюмин рассматривал свои философско-исторические построения как вариант развития славянофильской доктрины, а деятельность Кирилло-Мефодиевского общества в Киеве современники воспринимали как разновидность славянофильства, только малороссийского. В историографии неоднократно отмечалось влияние работ славянофильских историков В.Н. Лешкова и И.Д. Беляева на становление земско-областной теории А.П. Шапова. Из представителей позднего славянофильства сибирские областники непосредственно пересекались, пожалуй, только с В.И. Ламанским в Русском географическом обществе. Возглавляя этнографический отдел Русского географического общества, В.И. Ламанский поддерживал начинания сибирских областников, а его позднее произведение — политико-географический трактат «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) — в целом ряде положений согласуется с взглядами областников. Сходство здесь во многом обусловлено не идеологической платформой, а общими концептуальными установками. В.И. Ламанский также исходил из принципов географического детерминизма и пришел к близким областникам взглядам на Сибирь. Особо хочется отметить предложенную В.И. Ламанским программу создания национальных школ и формирования национальной интеллигенции, критику политики

русификации окраин, полностью совпадающие с требованиями областников.

Программа сибирского областничества, или «сибирские вопросы», подразделялась на внешние, или главные, и внутренние вопросы. Внешние вопросы включали требование отмены ссылки в Сибирь. Уголовная ссылка развращающе действовала на сибирское население и в нравственном, и в физическом отношениях. К внешним вопросам относилось и преодоление «мануфактурного ига» Москвы, превращающего Сибирь в рынок сбыта для не всегда качественных товаров, произведенных в европейской части России, и препятствующего вывозу и сбыту сибирских товаров, в результате чего Сибирь оставалась лишь поставщиком сырья. Третий из «сибирских вопросов» — это вопрос о сибирской интеллигенции, решение которого областники связывали, прежде всего, с открытием Сибирского университета. Открытие университета в Сибири должно было приостановить отток молодежи из региона и способствовать формированию собственной сибирской интеллигенции.

К внутренним относились вопросы инородческий и переселенческий, связанные с вопросом о земельном фонде Сибири. Поддержка и развитие коренных народов Сибири, по мысли областников, должны были стать «средством гуманизации сибирского общества». Исторические, этнографические и статистические исследования сибирских инородцев, проведенные областниками, имели и большое научное значение. Помимо богатого историко-культурного, этнографического и фольклорного материала, собранного областниками, их работы во многих отношениях были пионерскими. Особенно это касается изучения кочевого быта и лесных культур в качестве переходных форм к оседлости. К этим исследованиям примыкают и труды С.С. Шашкова по истории первобытной культуры. Переход инородцев к оседлости и усвоение более высокой, по оценке областников, русской культуры (прежде всего, земледельческой) будет способствовать интеграции коренного населения в сибирский этнографический тип русского народа. Решение переселенческого вопроса должно было послужить средством освоения и экономического развития Сибири.

В истории русского овладения Сибирью можно указать несколько этапов. Сибирь была поочередно звероловной колонией, земледельческой, золотопромышленной, торговой. Первоначально Сибирь заселялась посредством вольно-народной колонизации, на смену которой пришла колонизация казенная. Ограничения на переезд в Сибирь, полагали областники, следует отменить. Свободный переезд в Сибирь должен заменить принудительную ссылку «нежелательных» или откровенно криминальных элементов. Снятие ограничений на переселение

в Сибирь при создании прочих благоприятных условий развития края может отчасти снять остроту противоречий между центром и периферией.

Среди тем, поднятых сибирскими областниками, но не входящих в программу «сибирских вопросов», надо назвать «женское дело». Сибирские областники, пожалуй, одними из первых в России стали разрабатывать вопрос о роли женщин в распространении цивилизации. Монографии С.С. Шашкова «Историческая судьба женщины, детоубийство и проституция» (1871), «Очерк истории русской женщины» (1871), статьи А.П. Шапова и Н.М. Ядринцева содержали богатый фактический материал, интересные наблюдения и обобщения по женскому вопросу. Надо заметить, что в судьбе самих этих исследователей женщины играли очень значительную, а порой, и трагическую роль.

В заключение лишь отмечу, что в качестве исторического явления областничество, безусловно, уже состоялось, теоретическая же сторона областнического учения, его философская составляющая еще требуют осмысления, додумывания, а может быть, и продолжения. Изолированное изучение украинского, сибирского и российского областничества малопродуктивно для понимания философских взглядов областников. Социально-философское и философско-историческое учение областничества может быть реконструировано только на основе сравнительного изучения наследия всех направлений областничества. Без знакомства с работами сибирских областников невозможно историческое изучение не только отечественного кочевниковедения и этнографии, но и евразийства.

Литература

Барсуков В.Л. Сибирские депутаты Государственной Думы о месте Сибири в Российском государстве // Из прошлого Сибири. Вып. 2. Ч. 2. Новосибирск, 1996.

Бестужев-Рюмин К.Н. Чему учит русская история // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1877. Т. I.

Братолобова М.В. Идеи децентрализма и казачьей автономии Дона в требованиях либеральных политических организаций Области Войска Донского в начале XX века // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010.

Боярченко В.В. Историки-федералисты: Концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

Головинов А.В. Идеология сибирского областничества: социокультурные ценности и политические смыслы: учебное пособие. Барнаул, 2011.

Головинов А.В. Отечественные истоки социальной философии областничества // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 2012. Вып. 12а.

Головинов А.В. Идеология сибирской свободы: этнокультурные и политические идеи классиков областничества. Барнаул, 2012б.

История социальной мысли в России

Емельянова Т.Н. Областничество Н.М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб.: Publisher, Инфо-да, 2004.

Ковалышкина Е.П. «Инородческий вопрос» в Сибири: концепция государственной политики и областническая мысль. Томск, 2004.

Малинов А.В. Сибирский земляческий кружок в Петербурге — первая организация сибирских областников // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: К 150-летию сибирского областничества. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 116—139.

Малинов А.В. С.С. Шашков — историк западной философии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 3 (149).

Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915а.

Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915б.